

Лань Сынянь и Цинь Чанцин обменялись взглядами — оба подумали об одном и том же: этот Король Рогатых Драконьих Рыб, вероятно, пришёл с поздравлениями лишь для вида, а на самом деле охотится за этой «картой сокровищ».

...

Башня Хуася.

Дела в Башне Хуася в последнее время шли невероятно бойко. Благодаря активным усилиям Цинь Чанцина и поддержке княгини, рекламировавшей заведение в высших кругах, многие стремились попасть в этот ресторан. Однако то, что они обнаружили, превзошло все ожидания. Вместо того чтобы быть просто способом заработать на имени ещё не появившейся императрицы, блюда здесь оказались настолько вкусными, что посетители возвращались снова и снова. После первого визита следовал второй, за вторым — третий, и остановиться было невозможно...

Те знатные особы, которые считали ниже своего достоинства приходить лично каждый день, ежедневно отправляли слуг за заказами. В сочетании с привлечёнными прохожими это приводило к тому, что Башня Хуася была забита под завязку, а деньги текли рекой. Единственный на кухне повар, толстяк, так вымотался, что похудел, и требовал, чтобы с Земли прислали ещё помощников. Если бы не особая задача, он бы давно бросил эту каторгу, где приходилось делать всё своими руками! Ведь даже на государственных банкетах он готовил лишь одно финальное блюдо! А здесь даже за приготовление острого лобстера приходилось браться самому! Чёрт побери!

Цзи Энь наконец закончил с очередной партией заказов и, вернувшись в подсобку, увидел, как его «королева» взваливает на плечо корзину с только что очищенным картофелем. Он испугался и поспешил на помощь, тихо сказав:

— Ваше Величество, оставьте это мне, отдохните немного.

Красивый мужчина, которого он называл королевой, смутился. Раньше в княжестве он жил в роскоши, не прикасаясь к чёрной работе. Теперь, оказавшись на улице, он познал тяготы жизни и понял, сколько труда стоит за вкусным блюдом, прежде чем оно попадёт на стол. Хотя, справедливости ради, это было его заблуждение — во всём следовало винить Тань Цяня, который ради экономии выжимал из работников все соки.

— Я в порядке, — ответил он. — К тому же мы все здесь сотрудники, и я тоже получаю зарплату.

При словах «зарплата» его глаза загорелись. Оказывается, зарабатывать деньги своим трудом — это так приятно.

Цзи Энь не хотел омрачать его настроение и, вспомнив о чём-то, с воодушевлением прошептал:

— Завтра день рождения императрицы. Башня Хуася будет отправлять поздравительные дары, мы сможем проникнуть во дворец вместе с ними.

— Да, — кивнул «королева». — Надеюсь, нам удастся встретиться с её величеством!

— Я уже договорился о замене с другими официантами. Владелец башни — родственник императрицы, так что мы сможем приблизиться к ней и изложить нашу просьбу.

Цзи Энь был полон уверенности в своём плане.

«Королева» тоже в это верил, но почему-то в его сердце закралось беспокойство, смутное предчувствие, что всё пойдёт не так гладко.

В всеобщей суматохе день рождения наступил.

Накануне Цинь Чанцин из-за волнения не мог заснуть, и император, под предлогом игры для отвлечения внимания, воспользовался ситуацией по полной. В результате на следующее утро, когда их подняли на рассвете, император сиял, а императрица выглядела так, словно перебрал с утехами, — всем было ясно, чем они занимались прошлой ночью.

Лань Сынянь, сверкая белоснежной улыбкой, бодро надел парадный мундир, затем услужливо принялся помогать одеваться Цинь Чанцину, за что получил от него ядовитый взгляд.

— Дорогой, сегодня ты выглядишь ослепительно, — сказал Лань Сынянь, закончив его облачать. — Все точно запомнят тебя с первого взгляда.

Он отступил на шаг, окинул Цинь Чанцина оценивающим взглядом, и его глаза заискрились.

Цинь Чанцину тоже казалось, что он выглядит хорошо — не из-за самолюбования, а потому что раньше он никогда не носил столь роскошных и ярких нарядов. Он не мог оторвать от себя взгляд в зеркале.

Цинь Сюй, всегда встававший раньше них, уже успел позаниматься и, облачившись в парадное с помощью слуг, пришёл к отцам. Вежливо постучав, он заглянул в дверь.

— Малыш, иди сюда, — Лань Сынянь поманил его.

Цинь Сюй с улыбкой подбежал, и Лань Сынянь взвалил его себе на плечи. Отец и сын тесно прижались друг к другу. Лань Сынянь даже слегка подбросил его, ухмыляясь:

— Малыш, ты подрос, стал тяжелее, чем раньше.

Цинь Сюй слегка смутился и кивнул:

— Я сильно вытянулся, и сила прибавилась. Дядя Ци Фэн даже делал замеры.

— Правда? Что ж, буду ждать дня, когда ты сравняешься со мной ростом.

— Обязательно! — Цинь Сюй, оценив взглядом его высоту, уверенно кивнул. Он обязательно вырастет выше своих отцов!

Они перебрасывались пустяками, а Цинь Чанцин, наблюдая за ними со стороны, вдруг задумался: ему показалось, или Цинь Сюй становится всё больше похожим на Лань Сыняня?

Эта мысль испугала его. Он пригляделся к ним внимательнее, но снова решил, что они не похожи. Черты лица Лань Сыняня были более резкими, с лёгким западным оттенком, а Цинь Сюй был типичным выходцем из Хуася. Он покачал головой, отбросив фантазии. Цинь Сюй с детства был его вылитой копией, и все, кто их видел, сразу понимали, что они отец и сын. А А Хуа... Цинь Чанцин слегка нахмурился. Неужели все его мысли настолько поглотил Лань Сынянь, что он даже не может ясно вспомнить лицо А Хуа, хотя раньше оно отпечатывалось в памяти так отчётливо...

В сердце Цинь Чанцина шевельнулась лёгкая грусть, и он тихо вздохнул.

Его лицо коснулся поцелуй. Цинь Чанцин очнулся и встретился взглядом с глубокими синими глазами Лань Сыняня.

— Дорогой, у тебя был вид, будто ты думал о другом мужчине, — сказал Лань Сынянь, изображая обиду. — Я ревную.

Цинь Чанцин, глядя на его притворно-сердитое выражение, хотел было заговорить о прошлом, но не знал, как начать. К тому же сегодня должен был быть счастливый день для всей семьи, и поднимать старые счёты было бы неуместно.

— Уже поздно, пойдём завтракать, — сказал он, улыбаясь. — Иначе потом не будет времени поесть.

Он посмотрел на двоих, наклонился и поцеловал каждого в щёку.

— Ладно, хоть я и умираю от ревности, но кто может устоять перед тобой? — вздохнул император, водрузив сына на плечо и взяв за руку любимого. — Я должен быть великодушным, ведь теперь ты мой.

Он чувствовал, что должен проявить ещё больше великодушия, хотя ревность всё равно грызла его изнутри.

— Хватит болтать, — отрезал Цинь Чанцин. — И не таскай Сюя на плечах, пусть идёт сам.

— Малыш совсем не тяжёлый.

— Я не об этом...

Семья, переругиваясь и шумя, уселась за стол, и завтрак прошёл с особым аппетитом.

Сеси воспользовался моментом, чтобы в последний раз пройти с ними все этапы церемонии дня рождения. Едва он закончил, как подошёл Ци Фэн и сказал Цинь Чанцину:

— На этот раз во дворце многое заменили. Часть вещей, не представляющих особой ценности, я переместил в другие пустующие покои, а некоторые — в ваш кабинет. Ваше Величество, можете позже просмотреть их и, если что-то не важно, отдать слугам.

— Хорошо, разберусь после дня рождения, — кивнул Цинь Чанцин.

Вскоре после завтрака во дворец начали прибывать гости.

Среди знати клана Лань было немало людей, но, по мнению императора, многие из них не имели права присутствовать на дне рождения императрицы, поэтому приглашены были лишь самые высокопоставленные.

Когда почти все собрались, Лань Сынянь, держа за руку Цинь Сюя, вместе с Цинь Чанцином впервые предстали перед империей как семья.

Едва они появились, почти все взоры устремились на лицо Цинь Чанцина, с любопытством разглядывая единственную императрицу, которую император, взойдя на престол десять лет назад, наконец-то взял в жёны.

Лань Сынянь шагнул вперёд и с невозмутимым видом произнёс речь, выразив благодарность и торжественно представив всем свою возлюбленную — императрицу Империи Цинь Чанцина.

PS: «Тань Цянь» — это прозвище, которое Ло Юйхуань дал Тан Цяню.

<http://bllate.org/book/16204/1454702>